

ДРАМАТУРГ П. П. ГНЕДИХ
КАРИКАТУРА

придворно-патриотического и интеллигентско-народнического.

Время от времени Александринский театр «как императорский, еще потрясает патристическим оружием и вытаскивает на свои подмостки верно-подданические хроники Чаева или трескучие гимны романовской фамилии Бахметьева («1812 год», «Избрание на царство Михаила Романова»), а наряду с этим чуть ли не контрабандой протаскивается благодаря стараниям артистов Савиной и Сазонова народническая «Рабочая слобода» Карпова.

Классический репертуар держался, главным образом, по настоянию отдельных членов труппы: Давыдова, Савиной, Дальского, Юрьева и др.

Последний период Александринского театра может быть назван периодом актера.

С конца 70-х годов Александринская труппа сильнее растет в качественном отношении: вслед за Савиной и Варламовым из провинциальных театров приходят Далматов, Давыдов, Писарев, Стрепетова, Дальский, Самойлов; они приносят выработанную в трудных провинциальных условиях высокую школу мастерства; быстро разочаровываясь в казенных хлебах, они вступают в борьбу с театральными чиновниками.

Недаром директор Всеволожский жалуетсЯ в письме тому же Пчелникову (1884): «У нас поганцы в Александринском театре не угомонились. Давыдов и Киселевский — первые вожаки, скоты, да и только».

Чиновничий произвол и рутина, придворные цензурные рогадки создавали невыносимые условия для крупных мастеров, и они, проработав на казенной сцене два-три года, вновь возвращались в провинцию.

Трудно было бороться бесправному актеру с всепильными саппагами министерства двора. Даже печать, бравшая подчас под защиту борющихся актеров, не помогала в борьбе.

После постановки полупатристической трагедии В. Крылова и Полевого «Правительница Софья» Всеволожский к тому же адресату (27 ноября 1888 г.) пишет: «Софья» имеет у нас средний успех. Тому виновны жур-

налы, которые стараются всячески уронить пьесу. Суворин промолгасно кричал на первом представлении, что это не императорский театр, а балаган Малофеева».

Падение Александринки в 70—80 гг. признается даже самим руководителем Всеволожским. «В Александринке дело идет не ахти как. В среду первое представление пьесы Крылова, а потом опять примемся за Гнедича и за Мещерякова» (письмо к Пчелникову в 1886 г.).

В 1900 г. новый директор театров Теляковский попытался, идя вслед за развитым вкусом рафинированной буржуазии, редко посещавшей теперь Александринку и избравшей для себя Михайловский и Марининский театры, пригласить в качестве режиссера В. Э. Мейерхольда, а в качестве декоратора Бенуа, Коровина, Голубина и др.

Но их работа, по словам того же Теляковского, свелась лишь к тому, что «с ними можно было обсуждать современное положение драматургических театров, говорить о репертуаре и спорить о новых веяниях и запросах и если не всегда им все удавалось, то все же в театре бывало не скучно» (Теляковский, «Воспоминания»).

«Реформаторы» и «новаторы» поздно пришли в Александринку. Крах буржуазии уже надвигался. Революция была не за горами. Прошедший через «генеральную репетицию» 1905 года пролетариат покончил со своим классовым врагом в октябре 1917 г.

За несколько месяцев до революции Александринка готовила свой последний «императорский» спектакль: Голубин и Мейерхольд заканчивали работу над «Маскарадом» Лермонтова.

ДИРЕКТОР В. А. ТЕЛЯКОВСКИЙ
КАРИКАТУРА

25 февраля 1917 г. изумленный зритель Александринки увидел прино- праздничные полотна Головина и исключительную по режиссерскому замыслу трактовку Мейерхольда. Он не подозревал, что сидит последние часы в «императорском» театре.

Когда по ходу пьесы за сценой хор Архангельского запел на похоронный мотив специально написанную ораторию — это было отпевание буржуазного театра, в частности старого Александринского театра.

Одиночные выстрелы на старых петроградских улицах, пугавшие воз- вращающуюся с «Маскарада» публику, были отблесками зарницы грядущего Великого Октября.

СЦЕНА ИЗ ДРАМЫ ЗУДЕРМАНА «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЖИЗНЬ»
САВИНА, ЮРЬЕВ, ДАРСКИЙ, ШУРАЛОВ

